

ABSTRACT

In the article the current economic and social situation of Russia is analyzed, the hypothesis of exhaustion of potential of further growth of the country based on resource allocation model is pushed and theoretically proved. Need of development of the new agenda of economic and social development of Russia – the resource-saving strategy aimed at expanded reproduction of a human capital: increase of level of education, duration and quality of life of the Russian citizens — is proved. The important role in the implementation of the resource-saving strategy, which is not reduced by authors of the article only to economy of the budget resources, is allocated for system of the higher education which is urged to act as the peculiar social elevator allowing the citizens, who went into quality and modern education to apply further for a worthy salary and career development. The special role is given to system of training for public and state servants, whose professional competence impact on quality of strategic decisions at the level of the country, region and industry. By way of illustration of resource-saving strategy at the level of the given educational organization, experience of implementation of innovative model of training for the public and state administration at North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy is considered.

KEYWORDS

resource distribution policy, resource conservation, social and economic policy, social consensus, sustainable development, human resources for the state and public administration

Приближение нового электорального цикла актуализирует вопрос разработки «посткрымской» повестки экономического и социального развития России — стратегии, направленной в будущее. Разрабатываемые в настоящее время провластными экспертными центрами и озвучиваемые обществу отдельные элементы данной повестки включают в себя традиционные для российского политического класса ценности увеличения темпов экономического роста, защиты государственного суверенитета, таргетирования инфляции, дальнейшего усиления борьбы с коррупцией и др., которые исходят из приоритета государственных, а не частных интересов и предполагают, в конечном счете, дальнейшее развитие существующей в стране ресурсораспределительной модели развития.

Теоретическое описание модели ресурсораспределительной экономики в общественных науках было разработано в работах Д. Асемоглу, О.Э. Бессоновой, Б. Вайнгаста, С.Г. Кордонского, Д. Норта, Дж. Робинсона и Дж. Уоллиса [3; 5; 9; 12]. Так Д. Норт относил подобную модель социально-экономического развития к «обществам с ограниченным доступом к ресурсам», Д. Асемоглу и Дж. Робинсон говорили про «экстрактные» экономические институты, а известный российский социолог и экономист О.Э. Бессонова характеризовала как «экономику раздатка» (или раздаточную экономику).

Основным институтом, на котором базируется раздаточная экономика, является общественно-служебная собственность, в рамках которой осуществляется координация («сдача—раздача») натуральных и финансовых потоков в стране. Доступ к общественно-служебной («общенародной», «национальной») собственности осуществляется в форме сословной ренты за службу государству. Существующая в стране крупная частная собственности фактически носит условный характер (олигархов де-факто назначает верховная власть). Коррупция в государствах с экстрактивными институтами играет роль «материальных скреп», не позволяющих общественной ткани распасться на враждующие куски. При этом сама интерпретация сословной ренты как коррупции — как пишет С.Г. Кордонский — представляется совершенно неадекватной, так как коррупция — это феномен рыночный и характерный для классового общества, в котором общество отделено от государства, в то время как со-

словная рента интегрирует сословия в целостность сословного общественно-государственного устройства и функционально необходима [5, с. 89–90].

В отличие от рыночной системы, где основным регулятором производства и потребления выступает механизм свободных цен, регуляция раздаточной экономики обеспечивается механизмом жалоб населения («писем трудящихся в газеты», «прямых линий с президентом» и т. д.), представляющих собой сигналы обратной связи от населения, в которых фиксируются отклонения количества и качества получаемых гражданами ресурсов (публичных услуг) от установленных в конкретном обществе нормативов социального консенсуса. Такое устройство институциональной среды определяет правила деятельности всех акторов [3].

Сформировавшаяся в 2000-е гг. в Российской Федерации ресурсораспределительная модель развития базировалась на распределении нефтегазовых сверхдоходов (общая величина которых за 2000–2013 гг. превысила 2 трлн долл.) во внутренний спрос. По мере притока в страну валютной выручки от продажи углеводородов экономическая политика правительства все больше концентрировалась на вопросах распределения этих ресурсов. Поддержка роста проводилась преимущественно за счет создания госкомпаний и выделения финансовых ресурсов на льготных условиях. Создаваемые государством государственные и квазигосударственные компании, как правило, имели существенно искаженную мотивацию. Они были менее заинтересованы в получении прибыли, их коммерческая деятельность во многих случаях сочеталась с выполнением публичных функций «агента правительства», у них была слабее ответственность за результаты своей деятельности, поскольку их убытки всегда могли быть тем или иным образом покрыты правительством. Существование у таких компаний возможности получения «дешевых денег» — кредитов госбанков, выделяемых на нерыночных условиях, — ослабляла их стимулы к повышению производительности труда и сокращению издержек, поскольку они могли сравнительно легко включить их в свои цены [6, с. 22–23].

Накопившиеся негативные тенденции (недоверие бизнеса, его низкая деловая активность и спад инвестиций, хронический отток капитала за рубеж, разрастание в экономике неэффективного государственного сектора и ослабление рыночных институтов), обозначили кризис ресурсораспределительной модели социально-экономического развития страны. В результате с 2013 г. российская экономика переходит сначала к стагнации, а затем, с 2014 г. — и к стагфляции. Воссоединение в марте 2014 г. Крыма с Россией, не признанное мировым сообществом, и повлекшее за собой несколько пакетов международных санкций, знаменовало собой окончание «модели импортирования роста» [6, с. 33]. После Крыма другими стали и экономическая и общественно-политическая повестка России. Идеи защиты «Русского мира», импортозамещения, борьбы с международным терроризмом отражают определенный сдвиг, произошедший в 2014–2015 гг. в массовом сознании российских граждан, но сами по себе они еще не формируют законченную стратегию экономического и социального развития страны, поскольку оставляют без ответа вопрос о целях общественного развития и месте в нем человека, способного выступать как целью, так и ресурсом развития.

Кризис модели экономического развития знаменовал собой и утрату социального консенсуса в российском обществе. Существовавшее с начала 2000-х гг. негласное соглашение между властью и гражданами по схеме «политическая лояльность в обмен на экономический рост и повышение уровня благосостояния населения», кратковременно сменившееся в 2014–2015 гг. новым общественным согласием по схеме «терпимость граждан к экономической стагнации и кратковременному снижению жизненного уровня в обмен на ощущение собственной причастности к великой державе» в настоящее время уже не работает.

После роста ВВП страны в 2000-е гг. с темпом в среднем 6% в год, в 2010–2011 гг. темпы роста российской экономики сократились до 4,3%, а в 2012–2014 гг. начали демонстрировать падающую динамику — 2,5%, 1,3% и 0,6% соответственно. В 2015 г. российская экономика «ушла в минус» (сократилась на 3,6%). По данным Росстата, по итогам 2015 г. реальная начисленная заработная плата россиян сократилась на 9,3%. Еще больше, из-за девальвации, сократилась оплата труда в России в долларовом выражении — по итогам 2015 г. среднегодовая заработная плата в РФ по номинальному валютному обменному курсу опустилась ниже, чем в Китае (558 и 765 долл. США, соответственно), хотя еще в 2013 г. наблюдалась обратная ситуация¹. В первом квартале 2016 г. продолжилось сокращение располагаемых доходов населения, причем основными факторами стало уже не падение реальных заработных плат, как на предыдущих этапах экономического кризиса, а спад доходов от предпринимательской деятельности, от собственности и социальных выплат — в том числе, непенсионных — индексация которых на настоящий момент не компенсирует инфляционных потерь².

Динамику и качество социально-экономического развития России в настоящее время осложняют обострившиеся социальные проблемы. Рост числа бедных (по данным Росстата, к началу 2016 г. число людей с доходами ниже прожиточного минимума достигло 15% населения, против 12,6% в 2014 г.) и демографические дисбалансы (сокращение числа работающих при увеличении количества пенсионеров: только в 2016 г. число экономически активного населения снизилось на 1 млн, при том, что число пенсионеров увеличивается с темпом 300–400 тыс. человек ежегодно³) формируют ключевые угрозы для российской экономики. Сокращение нефтегазовых доходов российского бюджета означает, что у государства нет больше возможности для повышения социальной поддержки населения, при том, что ее поддержание на текущем уровне и так означает медленный рост уровня бедности. С 2008 г. доля расходов бюджетной системы на социальную политику выросла с 9,1 до 14,3% ВВП, или на 5,2 п. п. ВВП, из которых 3,9 п. п. — это поддержка пенсионной системы. Из этих 3,9 п. п. повышения пенсионных выплат половина была обеспечена ростом налоговой нагрузки, а вторая половина — сокращением государственных инвестиционных расходов. В итоге Россия оказалась в замкнутом порочном круге: рост социальной поддержки ведет к росту нагрузки на бизнес или сокращению расходов бюджета на человеческий капитал, что, в свою очередь, снижает экономический рост, а без экономического роста проблемы социальной поддержки продолжают усугубляться⁴.

Между тем, современное развитие требует не «проедания» средств, а их инвестирования (капиталовложений), причем не столько в обновление физического капитала (производственных фондов, инженерной инфраструктуры, состояние которых в современной России выглядит безрадостно), сколько, в первую очередь, в воспроизводство и наращивание человеческого капитала — повышение уровня образованности, продолжительности и качества жизни граждан, то есть перехода к реализации той стратегии, о которой еще в 1761 г. в своем письме «О сохранении и размножении российского народа» писал великий русский ученый М. В. Ло-

¹ Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Май 2016 / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 24, 28.

² Там же. С. 7.

³ Кувшинова О. Мы попали в замкнутый порочный круг [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/13/623856-kudrin-krug/galleries/140737488855728/normal/1>.

⁴ Кувшинова О. Мы попали в замкнутый порочный круг [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/13/623856-kudrin-krug/galleries/140737488855728/normal/1>.

моносов: «...полагаю самым главным делом: сохранение и размножение русского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [7, с. 253]. На закате «лихих» 1990-х гг. и в преддверии поиска национальной идеи «тучных» 2000-х гг. об «удвоении ВВП» великий русский писатель XX в. А. И. Солженицын сформулировал альтернативную идею национального развития — идею «народосбережение населения России». Солженицын закономерно вопрошал: «Для чего (и для кого?) нам, России, экономический рост и удвоение ВВП, зачем нам становиться энергетической сверхдержавой и вкладывать грандиозные средства в модернизацию производства <...> если нас, россиян, с каждым годом становится все меньше и меньше? Может, что-то не то мы закладываем в наши стратегии, и не то выдвигаем в качестве основных национальных приоритетов, если рождаемость в России уже 40 лет не обеспечивает уровень простого воспроизводства?» [10].

Ответом на этот вопрос, заданный великим русским мыслителем 15 лет назад, по нашему мнению, могла бы стать стратегия ресурсосбережения, опирающаяся на традиционную повестку устойчивого развития. Устойчивость в данном случае представляет собой междисциплинарную категорию, используемую как в естественно-математических, так и в общественно-гуманитарных науках. В частности, в социально-гуманитарном знании устойчивость системы рассматривается как ее свойство возвращаться к исходному состоянию после прекращения некоего внешнего воздействия, которое вывело ее из этого состояния, т. е. способность системы приспосабливаться к изменяющимся условиям существования. Устойчивость всегда дуальна: с одной стороны, она отражает необходимость постоянства и неизменности как условия стабильности, а с другой — развитие представляет собой процесс постоянных изменений, без которых устойчивое функционирование системы невозможно. Во взаимосвязи с другими качествами системы — надежностью, управляемостью, самоорганизацией — устойчивость обеспечивает живучесть системы, то есть относительно продолжительный период ее существования, в течение которого система выполняет присущие ей функции, стремясь к достижению поставленных целей, а также способствует ее эффективности и, в конечном счете, формирует безопасность [8, с. 16].

Теоретической рамкой стратегии ресурсосбережения являются концепция устойчивого развития (*sustainable development*), базирующаяся на созданной академиком В. И. Вернадским теории преобразования биосферы в ноосферу — сферу разума [4], многостороннее учение об экономическом развитии (Е. Г. Гежа, Д. Л. Львов, У. Ростоу, М. П. Торадо и др.), основой которого выступает теория стадий роста, а также теория максимизации совокупного дохода Хикса—Линдаля, согласно которой получение экономического оптимума возможно лишь за счет оптимального использования ограниченных ресурсов и применения ресурсосберегающих технологий. Внимание мирового сообщества концепция устойчивого развития привлекла после публикации в 1987 г. доклада «Наше общее будущее», подготовленного Комиссией ООН по окружающей среде и развитию («комиссия Брундтланд»). Принятая после этого, на заседании 42-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, резолюция определила устойчивое развитие как «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего развития, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹.

В свете данных теорий устойчивому развитию должен соответствовать рост экономических показателей на базе внедряемых технологических и социальных инноваций: техническая и технологическая модернизация отечественных предприятий, развитие перспективных направлений производства, повышение экономиче-

¹ *Наше общее будущее*: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989. С. 50.

ской и физической доступности продукции для россиян. При этом сами по себе темпы экономического роста могут быть признаком устойчивого развития только в том случае, если они направлены на повышение качества жизни населения, сохранение социального и экологического равновесия и обеспечены новейшими производительными силами и развитием новых технологических укладов.

Важная роль в реализации текущей российской повестки ресурсосбережения, не сводимого авторами исключительно к экономии бюджетных ресурсов, отводится системе высшего образования, которая, как отмечал В. В. Путин, должна выступать в качестве своеобразного социального лифта, позволяющего гражданам, получившим качественное и современное образование, претендовать в дальнейшем на достойную зарплату и карьерный рост¹. Особая роль здесь отводится системе подготовки специалистов в области государственного и общественного управления, от профессиональной компетенции которых зависит качество стратегических решений на уровне страны, региона и отрасли.

По мнению авторов, современная система государственного и общественного управления Российской Федерации должна удовлетворять следующим требованиям:

- 1) *открытость*. Старая модель взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом, основанная на системе «власть-подчинение» в настоящее время «в чистом виде» не работает: существует постоянная ротация эффективных управленцев из бизнеса на госслужбу и обратно, политический класс включает в себя не только публичных политиков и функционеров государственного аппарата, но и крупных собственников, инвесторов, бизнесменов, представителей экспертного сообщества;
- 2) *управляемость*. Открытость системы государственного и общественного управления отнюдь не означает ее расхлябанности и безответственности — определенные Президентом, Парламентом и Правительством стратегические цели должны быть безусловно исполняемы на нижестоящих уровнях управленческой вертикали (в первую очередь, это касается выполнения «майских» указов по ускорению темпов экономического роста, созданию эффективных рабочих мест в новой экономике, увеличению объемов инвестирования, причем за счет не только бюджетных, но и частных источников);
- 3) *ориентация на результат*. В современных экономических условиях возможности бюджета и покупательная способность населения сильно сократились, в связи с чем перед всеми участниками социально-экономического процесса (не только частными компаниями, но и бюджетными организациями, органами государственной власти) встала задача по оптимизации стандартной стоимости производимой продукции (либо публичной услуги) и продвижению на рынок новых товаров, услуг и программ, ориентированных и востребованных потребителем. В современных условиях все мы должны быть эффективны.

Для иллюстрации практической реализации стратегии ресурсосбережения на уровне конкретной образовательной организации рассмотрим опыт внедрения инновационной модели подготовки кадров для государственного и общественного управления в Северо-Западном институте управления Президентской академии. Основными элементами внедренной в Институте инновационной модели подготовки кадров являются:

- 1) смещение акцентов в подготовке специалистов в области государственного и общественного управления с теоретизации и идеологизации (характерной для системы бывших партшкол) в сторону практико-ориентированности и проектности, то есть нацеленности на подготовку практических специалистов, владе-

¹ Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская Правда. 13.02.2012 г.

ющих методологией и навыками взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, технологиями организации государственно-частных партнерств, а также использования социальных технологий в интересах органов публичного управления;

- 2) возрастание доли технологий электронного обучения в структуре учебного плана бакалавриата и магистратуры (когда вместо «начитки» в аудитории лекционного материала, студент имеет возможность ознакомиться с ним самостоятельно посредством электронного (дистанционного) курса, выложенного в корпоративной сети вуза), что позволяет не только оптимизировать стоимость создаваемого Институтом образовательного продукта, но и повысить качества контактного (аудиторного) взаимодействия студента с преподавателем, к которому на практические занятия приходит уже подготовленный студент, а также расширить контингент обучающихся за счет студентов из других регионов РФ и с постсоветского пространства;
- 3) изменение системы управления образовательным процессом — перенос «центра тяжести» с кафедральных структур (лоббировующих зачастую узкопредметные интересы обеспечения нагрузки конкретных преподавателей) на уровень деканов, руководителей образовательных направлений и УМУ Института, деятельность которых оценивается по показателям качества набора, выпуска и трудоустройства студентов.

В заключение отметим, что реализация стратегии ресурсосбережения на уровне огромной страны начинается с ее конкретного гражданина и конкретной организации. Северо-Западный институт управления Президентской академии свой выбор уже сделал.

Литература

1. Аганбегян А. Г. О преодолении существующей рецессии и стагфляции: Открытая лекция. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2015.
2. Балашов А. И., Рогова Е. М., Тихонова М. В., Ткаченко Е. А. Управление проектами: учебник / под общ. ред. Е. М. Роговой. М. : Юрайт, 2014.
3. Бессонова О. Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России // Мир России. 2008. № 2. С. 108–138.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1991.
5. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
6. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
7. Ломоносов М. В. Сочинения. М. : Современник, 1987.
8. Михалев О. В. Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа: монография. СПб. : СПбАУЭ, 2010.
9. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
10. Солженицын А. И. Россия в обвале. М. : Русский путь, 2006.
11. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1(85). С. 22–30.
12. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y. : Crown Business, 2012.
13. Kvint V. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge. NY, London, Sydney, 2015.

References

1. Aganbegyan A.G. *About overcoming the current recession and stagflation* [O preodolenii sushchestvuyushchei retsessii i stagflyatsii]: Open lecture. St. Petersburg : SZIU RANHiGS. 2015. (rus)

2. Balashov A. I., Rogova E. M., Tikhonova M. V., Tkachenko E. A. *Project management* [Upravlenie proektami]: Textbook / Ed. E. M. Rogova. Moscow : Yurayt. 2014. (rus)
3. Bessonova O. E. *Trajectory and vector of development of modern civilization matrix Russia* [Traektoriia i sovremennyi vektor razvitiia tsivilizatsionnoi matritsy Rossii] // World of Russia [Mir Rossii]. 2008. No. 2. P. 108–138. (rus)
4. Vernadsky V. I. *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon* [Nauchnaia mysl' kak planetarnoe iavlenie]. Moscow : Science [Nauka]. 1991. (rus)
5. Kordonskii S. G. *The class structure of post-Soviet Russia* [Soslovnaia struktura postsovetskoi Rossii]. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation [Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie»]. 2008. (rus)
6. Kudrin A., Gurvich E. *The new model of growth for the Russian economy* [Novaya model' rosta dlya rossiiskoi ekonomiki] // Economy questions [Voprosy ekonomiki]. 2014. N 12. P. 4–36. (rus)
7. Lomonosov M. V. *Works* [Sochineniia]. Moscow : Contemporary [Sovremennik]. 1987. (rus)
8. Mikhalev O. V. *Economic sustainability of economic systems: methodology and practice of scientific research and applied analysis* [Ekonomicheskaiia ustoichivost' khoziaistvennykh sistem: metodologiiia i praktika nauchnykh issledovaniia i prikladnogo analiza]: Monograph. St. Petersburg : SPbAME. 2010. (rus)
9. North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders: Conceptual framework for interpreting the recorded history of mankind* [Nasilie i sotsial'nye poriadki: kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute [Izd-vo Instituta Gaidara]. 2011. (rus)
10. Solzhenitsyn A. I. *Russia in Collapse* [Rossiia v obvale]. Moscow: Russian path [Russian Way]. 2006 (rus)
11. Shamakhov V. A., Balashov A. I. *The new geopolitical reality and its influence on the strategy of economic and social development of Russia* [Novaia geopoliticheskaiia real'nost' i ee vliianie na strategiiu ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia Rossii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie], 2016. No 1(85). P. 22–30. (rus)
12. Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. NY : Crown Business.
13. Kvint V. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge NY, London, Sydney.